

УДК 821.161.1-312.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М17

Юлия Макс
ИНАЯ БОГЕМИЯ

Дизайн обложки *Ольги Жуковой*

Иллюстрация на обложке *Яны Слепцовой*

Макс, Юлия.

М17 Иная Богемия: фантастический роман / Юлия Макс. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 464 с. — (Mainstream. Мистический триллер).

ISBN 978-5-17-163093-5

Легенда гласит, что в короне святого Вацлава спрятан могущественный артефакт.

Решив выяснить правду, Анета крадет корону и случайно оживляет давно почившего правителя. А кроме того, срывает завесу, которая веками удерживала ночных тварей от проникновения в Богемию.

Теперь Анете придется столкнуться лицом к лицу с последствиями своего поступка. Сможет ли она исправить ситуацию, защитить страну от монстров и не потерять себя?

УДК 821.161.1-312.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Юлия Макс, 2024
© Яна Слепцова, иллюстрация на обложке, 2024
© Адель Кейн, иллюстрации гербов, 2024
© Karma Virtanen, внутренние иллюстрации, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ISBN 978-5-17-163093-5

Пролог

Массивные драгоценные камни в оправе венца надменно мерцали в свете прожекторов, направленных на реликвию. Их сияние усиливали лучи солнца, проникающие через витражные окна храма. Шестичасовая очередь к короне святого Вацлава, казалось, никогда не кончится.

Светловолосая девушка стояла возле стеклянной витрины и почти не дышала, рассматривая символ власти и веры. Она чувствовала, что в венце заключены ответы на вопросы, которые мучили ее всю жизнь. Желание изучить этот артефакт стало нестерпимым.

— Что ответила твоему профессору научная комиссия? — тихо спросил рыжеволосый парень и почесал веснушчатый нос, чувствуя, как от церковных благовоний у него начинается аллергия.

— Сказали, что не доверят аспирантке изучить корону. Разрешения от комиссии ждать не стоит, — в голосе девушки слышалось раздражение.

— Мне жаль. Возможно, через пару лет они передумают.

Блики от драгоценных камней отразились в опасно сужившихся малахитовых глазах девушки.

— Не передумают. Мы ее украдем, — понизив голос, ответила она и направилась в сторону выхода из собора.

— Ты шутишь, да? — возмутился рыжий, уже понимая, что это не розыгрыш. — Энн, скажи, что ты шутишь!

Глава 1

**Inter vepres rosae nascuntur.
И среди терновника растут розы.**

*Новостной блог «Пражский трдельник»
«14 мая в Праге в рамках мероприятий, посвя-
щенных 700-летию со дня рождения короля Кар-
ла IV, прошел бал, на который съехались все сливки
высшего чешского общества.*

*Премьер-министр порадовал прессу и оскорбил
жену, пребывающую в положении, танцем с моло-
дой графиней Анетой Кинских*. К слову, в новост-
ные сводки уже просочились слухи об их тайном
романе. Фото танцевальных па министра укра-
сили первые полосы новостных изданий, не минов-
ав и наше.*

Ваш Эл Вода».

Энн**

Находясь в отделанной мрамором дамской комнате, Анета Кинских вытерла руки бумажной салфеткой, при этом избегая смотреть на себя в зеркало. Она нервно

* Кинских (чеш. Kinskí z Vchynic a Tetova, нем. Kinsky von Wchinitz und Tettau) — чешский княжеско-графский род.

** Энн — женское имя, то же, что и Анна (в чешской версии — Анета).

разгладила складки на строгой юбке и покрутила кольцо на указательном пальце. Три белых клыка на синей эмали — герб ее рода, привычно блестели, придавая уверенности. Пришло время разорвать отношения, которые с самого начала были фарсом. Месяц делать вид, что тебе с кем-то приятно, но в то же время думать, как получить желаемое и поскорее уйти — не слишком увлекательное занятие.

Анета наконец решилась выйти из уборной. Каблуки издавали тонкий стук, пока она шла к круглому столику на террасе ресторана «У принца». Отсюда в буквальном смысле оставалось рукой подать до главной площади, Орлов* и Тынского храма.

Староместская площадь наполнилась толпами туристов и, словно распорядитель пражской Вселенной, простирала мощные руки-улицы, встречая и провожая гостей.

Вид — единственное, за что Анета любила «У принца». Жаль, что последние несколько лет ресторан скатился в пропасть. Сменился шеф-повар, и еда стала посредственной. Хотя для бокала вина или чашки кофе место все еще подходило. Из динамиков, установленных на крыше, играла тихая музыка. На столах горели свечи, создавая сказочную атмосферу.

Теодор морщил лоб и барабанил пальцами по светлой скатерти. Однако, увидев Анету, поднялся навстречу, чтобы отодвинуть стул. Она подметила, что он выглядел, как всегда, шикарно и немного устрашающе. Квадратная тяжелая челюсть, короткие волосы, выбритые на висках, глубоко посаженные серые глаза при первой встрече вызвали у нее

* Pražský orloj (чеш.) — Пражские куранты, или «орлой», средневековые башенные часы, установленные на южной стене башни Староместской ратуши в Праге. Третьи по возрасту астрономические часы в мире и старейшие, которые все еще работают.

Юлия Макс

испуг. Однако абсолютное чувство стиля Тео и неизменная вежливость ломали этот стереотип.

— Анета, я пригласил тебя сегодня именно сюда, потому что...

— Потому что мы познакомились здесь ровно месяц назад, — с улыбкой закончила она за него.

Молодой мужчина кивнул, чуть скривившись из-за того, что его перебили. Кинских знала, что Тео терпеть не мог, когда его прерывали, но все равно делала это.

На крыше появился официант, неся в руках крупный букет алых роз. Замерев возле столика, он передал цветы Тео, а тот в свою очередь вручил их Анете.

«Что ж, он умеет праздновать даже маленькие годовщины», — подумала она и взяла огромный букет, не зная, правда, что с ним делать. Положение спас второй официант, подавший напольную вазу размером с ведро, куда и поставили розы.

— Анета, переезжай ко мне. Ты интересная, умная. Мы оба строим карьеры. А там и до помолвки недолго.

Анета удержалась от смешка, удивленная тем, как Тео быстро распланировал их будущую жизнь. Кинских требовалась свобода в ночных перемещениях. Авантюрные вылазки являлись отдушиной, которую она не променяла бы на совместный быт с мужчиной. Сожаление омрачило и без того плохое настроение Анеты. Теодор не знал ее настоящую, а приличной графиней Кинских, девушкой с фамилией старинного чешского рода, Анета была лишь внешне.

— Анета? — За спокойствием в голосе она расслышала присущую ему уверенность.

Тео был убежден, что Анета согласится. Между тем он потянулся к ней, намереваясь поцеловать, словно уже получил согласие.

— Тео, я... — Она гулко сглотнула, почувствовав, как в горле резко пересохло. — Я не хочу переезжать к тебе. — Увидев искреннее изумление на его лице, Кинских поспе-

шила добавить: — Да и сегодня я хотела закончить наши отношения.

Лицо Теодора не отразило огорчения, лишь искренние удивление и злость. Об этом свидетельствовали изумленно поднятые брови и сжатые челюсти. Губы же кривились, словно Тео не готов был принять отказ. Складывалось впечатление, что это совершенно не тот человек, с которым Анета провела последний месяц.

— Почему? — только и спросил он, возвращая лицу привычное выражение.

Ни слова про любовь. Конечно, в мире аристократии, пусть даже забытой и уже никому не нужной, до сих пор ценились союзы родов. А Теодор Пернштейнский как раз наследовал состояние своего бездетного титулованного дядюшки из Германии. Какая жалость, что Анете было плевать на пережитки прошлого. Она ценила историю семьи и рода, но играть по старым правилам не собиралась. Кинских верила если уж не в любовь, то хотя бы в крепкую дружбу и доверие между партнерами. Что она могла ответить на это требовательное «почему»? Что втайне мечтала найти мужчину, которому нужна лишь она, а не когда-то громкая фамилия? Или что воспользовалась им, чтобы добраться до искомого?

Судорожно выдохнув, Анета искренне прошептала:

— Мне жаль.

Поднялась и оставила Теодора, который медленно начал закипать. Анета заметила это по тому, как раздулись его ноздри, и покрылась пятнами шея.

Покинув «У принца», она двинулась по Староместской площади. Прошла бьющие восемь раз Орлои. Фигурка Смерти справа на часах как раз начала представление, тряся колоколом. Смерть собирала дань в виде внимания и минут жизни впечатлительных гостей Праги. Засмотревшись, девушка несколько раз столкнулась плечом с тури-

Юлия Макс

стами, которые фотографировали Тынский храм и активно жестикулировали. Она наискось пересекла площадь и замедлила шаг возле резиденции Кинских. Дворец, словно выдвинутый рукой великана из общего ряда домов, демонстрировал свое превосходство и нагло выступал, крадя пространство у Староместской площади.

Анета остановилась, чтобы привычно окинуть взглядом фасад, который разделяли два ризалита* и скульптуры сверху, созданные как аллегория стихий и древних божеств. В детстве она называла его «рыжим» домом из-за черепичной крыши и то ли розовых, то ли оранжевых вставок на облицовке. Он принадлежал роду Кинских до тысяча девятьсот сорок пятого года, после чего перешел в собственность города. Выступ фасада на несколько метров вглубь площади кровавой полосой лег на историю ее семьи.

В восемнадцатом веке графу Кинских удалось подкупить местных чиновников, которые закрыли глаза на размеры дома. В те времена строжайше запрещалось отходить от строительных норм, поэтому продажных чиновников повесили на Староместской площади перед только что возведенным дворцом, а предок Анеты отделался лишь штрафом.

Сейчас в «рыжем» доме располагались офисы национальной галереи Праги и исторического общества.

Кинских выудила из клатча карту-пропуск и направилась к главному входу, прокручивая в голове события недельной давности.

Ровно неделю назад она ступила на красную дорожку Пражского Града, гордо вскинув подбородок. Возле стойки с распорядителем бала гостей встречал сам мэр. Анета

* Ризалит или резалит (итал. *risalita* — «выступ») — часть здания, выступающая за основную линию фасада во всю его высоту. Ризалит обычно расположен по центральной оси здания.

удивленно замерла, но, вспомнив, что идет предвыборная кампания и правящая партия не набрала пока достаточное количество голосов для победы, она осознала смысл этого.

Мэр любезно подал руку, окидывая наряд Анеты одобрительным взглядом. Алый атлас платья провокационно обрисовывал грудь в глубоком вырезе и почти полностью оголял спину. Маленький рост она компенсировала туфлями на высоком каблуке, но рядом с почти двухметровым мужчиной сама себе казалась гномом.

— Пани Кинских, рад вас видеть, — улыбнулся он, пожал руку и добавил не так громко: — Графиня, вы восхитительно выглядите.

Анета мило улыбнулась и как можно более ненавязчиво оглядела его костюм-тройку, прикидывая, в каком из карманов он держал необходимый ей предмет и держал ли вообще. Ее внимание привлекло кольцо-печатка на руке мэра. Папские ключи, перевитые змеями. Занятная вещица, довольно старая. Мужчина не носил это кольцо ранее, и это еще сильнее подогрело ее интерес. Кинских перевела внимательный взгляд на его лицо.

— Спасибо.

— Подарите мне танец?

— Подарю, — ответно улыбнулась графиня.

План состоял в том, чтобы станцевать ровно с шестью мужчинами на званом балу. С теми, кто владел ключами. Она сомневалась в том, что все они носили их при себе, однако фамильная серьга с бриллиантом в ухе графини служила микрофоном, а на другом конце слушал напарник по предстоящей работе. Если на торжественном вечере не окажется искомого, ее человек посетит в поисках ключей дома и офисы. Предвкушение опасной игры разливалось по венам Анеты горячей дозой адреналина.

Кинских расправила плечи, нервно выдыхая. Приподняла подол длинного атласного платья и шагнула в заполненный зал. Голоса сливались в единый гул, напоминаю-

Юлия Макс

щий шум роя пчел. Старинные громадные люстры расплещивали свет, играя бликами на крупных драгоценностях, которыми блистали гости на приеме. Окна в пол показывали луну и острые шпили собора Вита. Готический Владиславский зал служил крупнейшим церемониальным помещением средневековой Праги. Серо-охровый, в зависимости от времени суток и освещения, он очаровывал кажущейся простотой. Ступая в него, Анета словно заглядывала в самые сокровенные глубины собственной души. В зале отсутствовали колонны, а свод покоился на стенах, декорированных пилястрами, напоминающими ребра. Пилястры соединялись под сводом переплетением нервюр*, создавая мрачный узор в виде цветов. Во время строительства это было новаторским решением, за что архитектору пожаловали дворянское звание.

Эпохальный Владиславский зал Пражского Града праздновал семьсот лет со дня рождения Карла IV — любимца нации. Как историк, тщательно изучавший его правление, Анета знала о «благочестивом» Карле целый ворох грязных секретов, до которых широкая публика не добралась. Любимый всеми король оставил после себя пустую казну и сотни необъяснимых загадок, которые она надеялась раскрыть. В любом случае дело было не в приеме в честь именин мертвого средневекового короля, а в возможности получить желаемое и не сесть в тюрьму. Для последнего графине требовались весь ее опыт, холодная голова и, безусловно, изящество, присущее особам из высшего общества.

Премьер-министр открыл бал приветственной речью. Зазвучала музыка в исполнении оркестра филармонии. Пары закружились в вальсе. Официанты сновали между

* Неврюра — выступающее относительно стены ребро готического каркасного крестового свода.

гостями с подносами, уставленными бокалами с шампанским. В зале витал смешанный аромат изысканных и слишком ярких парфюмов. Анета почувствовала, что начинает задыхаться, поэтому отошла ближе к окнам, где никого не было. Она всегда остро реагировала на сильные запахи, которые вызывали приступы головной боли. Подышав пару минут, направилась к узким столам, расставленным вдоль стен. Те, кто не танцевал, сбивались в группы рядом с напитками и закусками.

Сбоку она заметила знакомый силуэт.

— Нашел! — Теодор предложил ей руку и мягко повел к танцующим.

Тео, как и большинство мужчин на приеме, облаченный в черный фрак, выглядел истинным аристократом.

— Ты сегодня роскошна, — шепнул он, собственнически сдвинув ладонь на оголенную спину спутницы.

Анета и правда этим вечером нравилась себе: атлас алого платья, обрисовывая фигуру, переливался, словно живой.

Пары кружились и кружились. Вальс сменялся фокстротом, затем кадрилию и снова медленным танцем.

Кинских проверила председателя палаты депутатов, председателя Сената, мэра, архиепископа и настоятеля столичного капитула собора Вита, однако никак не могла подобраться к премьер-министру. Тот не танцевал и большую часть мероприятия находился в окружении других политиков.

— Пани Кинских? — окликнули ее, когда она пробралась к столам с закусками, чтобы найти мартини.

Тео пригласил на танец супругу мэра, и она наконец осталась одна. После того как ее позвали, за спиной стихли разговоры.

Кинских повернулась, от улыбки уже сводило скулы, но увидев мужчину, губы сами собой растянулись еще шире.

Юлия Макс

— Могу я пригласить вас на танец? — спросил премьер-министр Чехии, лукаво приподняв брови.

С Мартином Черным Анета училась в одном университете. Она — на первом курсе исторического, а он — на последнем юридического. Стремительная политическая карьера выпускника Карлова университета ставилась в пример для подражания буквально каждому студенту.

— Конечно.

Они вошли в круг танцующих, заиграл венский вальс. Анета будто случайно оступилась и на мгновение теснее прижалась к мужчине, при этом ее губы оказались всего в нескольких сантиметрах от лица Мартина. Сердце графини застучало быстрее. Министр, рассматривая ее лицо, закусил нижнюю губу, а потом почти коснулся губами щеки. Она скользнула рукой по его телу, огладила карманы, быстро извлекла оттуда ключ и вернула ладонь на плечо. Маленький металлический предмет жег левую руку, так и норовя выскользнуть из плена ее пальцев.

— Прошу прощения, — Кинских изобразила неловкость и почувствовала, как жарко стало щекам.

Мартин благодушно покачал головой и крепче сжал ее руку в своей, ведя в танце. Анета отвлеклась, размышляя, почему весь вечер ни с кем не танцевавший министр вдруг пригласил именно ее. Случайность?

— Пани Кинских, я слежу за аспирантами, пишущими докторские работы. Какую тему вы выбрали? — Глубокий взгляд синих, как Маховое озеро, глаз мужчины изучающе прошелся по ее лицу.

— Пишу о влиянии легенд на историю Чехии.

— Занимательно. Вам нравятся легенды?

Анета как можно равнодушнее испустила короткий смешок. Из предложенных для изучения тем эта была самой болезненной для семьи, поэтому она и взяла ее. Вслух же Анета, намеренно не скрывая иронии, ответила:

— Мне нравится история, факты. Легенды служат лишь оберткой, которая приукрашивает события, но также часто искажает их.

— Мы обязательно подискутируем на эту тему. В другой раз, — улыбнулся премьер-министр, и от того, как он выделил «в другой раз», словно обещая нечто интимное, не меньше, Кинских на секунду стало неловко.

Танец закончился, и Анета, поблагодарив министра, быстро направилась в дамскую комнату. В крошечном клатче, сшитом на заказ, помещался телефон и шесть отделений для ключей. Скорее всего, если кто-то бы наблюдал, решил бы, что у нее недержание: слишком часто она отлучалась попудрить носик. В туалете Анета достала ключ, временно заимствованный у Мартина. Несколько раз сфотографировала на телефон и, зажав в руке, вернулась в зал. Нужно было положить ключ на место, а именно в нагрудный карман жилета пана Черного.

Путь к премьер-министру преградил Тео.

— Анет, потанцуем?

Пока она думала, как выкрутиться, заметила волнение в свите Мартина. Когда один из охранников отошел, она увидела первого министра, хлопающего себя по карманам, вне всяких сомнений, в поисках ключа. Если поднимется тревога и ключ не найдется, хранители могут перестраховаться и унести реликвию, тогда шанс будет упущен.

Анета спокойно подала руку Тео и переплела пальцы с его. Они влились в поток пар. Играла полька, и за пару минут их дуэт протанцевал полукруг и поравнялся с беспокойным Мартином. Графиня оступилась возле его свиты, остановилась и демонстративно поморщилась, словно от боли. Присела и подняла с пола ключ.

— Наступила на него. Это не твой? — громко спросила она у Тео.

Юлия Макс

Ей удалось привлечь внимание, и взгляд министра замер на девичьих пальцах, сжимавших ключ.

— Пани Кинских, кажется, я обронил это, когда мы танцевали.

Мартин приблизился, и Анета протянула ему ключ. На лице министра отразилось явное облегчение, такое же испытывала и графиня. Поблагодарив и рассыпавшись во взаимных комплиментах с Мартином, пара продолжила танцевать.

Пока Тео вел ее на последних аккордах польки, Кинских гадала, найдет ли напарник три оставшиеся ключа в домах чиновников. Четыре из семи она собрала сама. Самый важный достался очень легко. Дело в том, что Теодор был личным секретарем президента и хранителем его регалий. Поэтому Анета сфотографировала ключ, когда пришла к Тео на работу.

Чтобы изготовить точную копию, совершенно не обязательно корпеть над слепками и прочим. Достаточно сфотографировать оригинал ключа как минимум в двух плоскостях на камеру с высоким разрешением и превратить снимок в 3D-модель. Этого хватит, чтобы распечатать годную замену.

Анета обожала реликвии и старинные вещи, особенно забирать их у людей, не ценящих то, чем они владели. Она возвращала ранее украденное из Чехии, посещая черных коллекционеров, естественно, без согласия последних. Иногда Анету нанимали, чтобы вернуть реликвии чешскому роду, иногда она просто оставляла антиквариат в народном музее. Кинских считала, что произведения искусства должны принадлежать законным владельцам.

И делала она это отнюдь не по нужде, благо лекторам-историкам в стране хорошо платили, да и наследство у нее приличное, но из денег семьи Анета старалась не брать ни кроны, чтобы оставаться независимой от родителей и их правил.

Графине нравились погоня и охота. Охота за артефактами. Опасность обостряла чувства и стимулировала мозг. Предстоящая кража обещала стать самой значимой в ее жизни, ведь в короне скрывался личный интерес. Удивительней всего казалось то, что Кинских планировала вернуть реликвию обратно.

Анета предпринимала попытки избежать кражи, неоднократно через профессора подавая заявку в Пражский Град на исследование, но всякий раз получала отказ из-за отсутствия нескольких докторских степеней и седых волос. Она злилась, а затем успокаивалась, вспоминая свою семью. С детства Кинских воспитывалась няней, после тринадцати училась в частном пансионе, но лишь к восемнадцати годам поняла, что в аристократических семьях такое отношение к отпрыскам считалось нормальным. Родителей растили в атмосфере тотального снобизма, пусть титулы уже и были никому не нужны.

Тем временем бал продолжался. Кинских пригубила второй бокал с мартини, когда рядом оказались несколько дам, номинально носящих дворянские титулы.

— Анета, дорогая, а вы слышали, как судятся князя Лихтенштейн за замки Леднице и Валтице? — спросила княжна Шварценберг — полная особа лет сорока, дважды побывавшая замужем и оставшаяся вдовой. Благодаря удачным бракам приумножила родовое состояние в несколько раз.

— Да, громкое дело.

Собственность Лихтенштейн конфисковали после Второй мировой войны на основании Декретов Бенеша, забравших имущество «врагов чехов и словаков» — немцев, венгров и лиц, сотрудничавших с гитлеровской Германией. С тех пор фонд князей судился со страной на протяжении многих лет. Новые обстоятельства дела и вердикты суда появлялись в газетах с периодичностью в десять-пятнадцать лет и всякий раз привлекали внимание.

Юлия Макс

— Мы бы тоже судились, если бы нам не отдали принадлежащее по праву.

— У меня другое мнение на этот счет.

— Ну, конечно, — она мило улыбнулась, и Анета крепче стиснула ножку бокала с мартини. — Кинских большую часть своих имений отдали стране.

Вокруг них собрались несколько представителей партий, подошел мэр с супругой. Анета вернула приторную улыбку и произнесла:

— Решения рода я целиком поддерживаю. У нас и без того много недвижимости, а замки теперь может посетить любой желающий. Разве вы не за то, чтобы люди знали историю, могли ступить туда, где жила знать Богемии? Ведь именно высокие чины и знатные сословия обязаны культурно обогащать остальное население.

После этой реплики тему имущества больше не затрагивали, по крайней мере, при Анете.

Подискутировав на политические и исторические темы с как можно большим количеством гостей, Кинских выдержала положенное время светского мероприятия. Незаметно вернув оставшиеся ключи их законным владельцам, с удовлетворением выдохнула и решила, что можно уйти.

— Ко мне или к тебе? — жарко прошептал Тео, снова появившись словно из ниоткуда и приобняв ее за талию.

— Прости, пожалуйста. Ужасно голова разболелась. Я приму аспирин и лягу спать. Встретимся завтра?

Графиня придала лицу грустное выражение. Мужчина проникся и вызвал такси, кидая на нее встревоженные взгляды. Когда его отвлекли чиновники, девушка быстро спустилась с парадных ступеней. Обернулась и помахала на прощание, внутренне ликуя, что смогла так легко отделаться.

Устраивая в авто многочисленные метры бального платья, она посмотрела на водителя в зеркало заднего вида:

— Серпантинная семь, пожалуйста.

